

П. Е. Борисовский

**Мысли Св. Григория
Богослова о христианской
жизни уединенно-
созерцательной и
общественно-деятельной**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
П11

П11 **П. Е. Борисовский**
Мысли Св. Григория Богослова о христианской жизни уединенно-созерцатель-
ной и общественно-деятельной / П. Е. Борисовский – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 56 с.

ISBN 978-5-518-06032-6

Из журнала "Вера и разум", 1898, 6.

ISBN 978-5-518-06032-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

непрестанное очищеніе, какъ не знающихъ мѣры въ восхожденіи и обоженіи; ихъ утесы и небеса, низложенія и престолы; нагота и риза нетлѣнія, пустыня и торжество на небесахъ; поправленіе сластей и наслажденіе нескончаемое, неизреченное“¹⁾

О себѣ самомъ св. Григорій пишетъ, что Христосъ воодушевилъ его горячею любовію къ божественной мудрости и къ жизни монашеской—*начатку жизни будущей*²⁾. „Ищу съ Іереміею“, пишетъ св. Григорій, „*виталица послѣдняго* (Іер. 9, 2), и желаю быть одинъ съ самимъ собою. Ибо для меня всего кажется лучше, замкнувъ какъ бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, всегда носить въ себѣ божественныя образы, чистые, не смѣшанные съ дольными и обманчивыми впечатлѣніями, быть и непрестанно дѣлаться какъ бы неомраченнымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, пріобрѣтати ко свѣту свѣтъ,—къ менѣе ясному лучезарнѣйшій; пока не взойдемъ къ Источнику тамошнихъ озареній, и не достигнемъ блаженнаго конца, когда дѣйствительность сдѣлаетъ ненужными зеркала“³⁾.

У св. Григорія Богослова былъ братъ по имени Кесарій, человѣкъ весьма образованный, занимавшій высокія общественныя должности. Когда онъ жилъ и служилъ въ Никее, случилось тамъ страшное землетрясеніе, истребившее почти всѣхъ жителей, самый городъ былъ разрушенъ. Кесарій, въ числѣ немногихъ знатныхъ, спасся отъ всеобщей гибели. Это обстоятельство произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ тогда же положилъ въ сердцѣ своемъ оставить всѣ мірскія почетныя должности, предаться уединенію и любомудрію. Св. Григорій весьма обрадовался, когда узналъ отъ Кесарія объ этихъ его намѣреніяхъ, и совѣтовалъ ему возможно скорѣе осуществить ихъ. Онъ и раньше внушалъ Кесарію оставить мірскую жизнь и общественныя должности, сожалѣя, какъ самъ писалъ, что всякія дарованія Кесарія „обращены на худ-

¹⁾ I, 102—105; ср. II, 131—132.

²⁾ IV, 242, ср. VI, 203.

³⁾ II, 133. См. еще IV, 252, 276—277.

шее, что душа столько любомудрая погружена въ дѣла общественныя и уподобляется солнцу закрытому облакомъ“¹⁾).

Жизнь въ удаленіи отъ міра болѣе, чѣмъ жизнь мірская, благопріятствуетъ нравственному самовоспитанію и непреткновенному движенію по стезямъ духовнаго совершенства, потому что отшельникъ свободенъ отъ внѣшнихъ соблазновъ, которыми такъ полонъ міръ, и которые часто уловляютъ праведнаго, живущаго среди мірской суеты. Оглашеннымъ, которые подъ разными неосновательными предлогами медлили креститься, св. Григорій даетъ, между прочимъ, слѣдующія наставленія: „ты (оглашаемый) живешь въ обществѣ, отъ обращенія съ людьми—не безъ оскверненія; потому страшно, чтобы не истощилось Божіе къ тебѣ милосердіе (въ случаѣ, если будешь грѣшить по крещеніи)? Отвѣтъ на сіе простъ. Если можно, бѣги и торжища съ своимъ добрымъ спутникомъ (даромъ крещенія). Подвизи себя крылья орлиныя, или, собственнѣе скажу, голубиныя; ибо что тебѣ до кесаря и принадлежащаго кесарю, пока не почишь тамъ, гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни очерненія, ни змія, угрызающаго на пути и препятствующаго тебѣ шествовать по Божѣ. Исхити душу свою изъ міра; бѣги Содомъ; бѣги пожара; иди не озираясь, чтобы не отвердѣть въ соляной камень, спасайся въ гору, чтобы и тебя не постигла вмѣстѣ гибель“²⁾).

Но подвижничество, отшельничество на сколько высоко и важно само по себѣ, настолько оно и трудно, даже „выше силъ человѣческихъ“. При томъ же, жизнь пустынная, неизбѣжно удаляющая отшельника отъ общенія съ людьми, ограничивается лишь небольшимъ кругомъ лицъ—иноковъ, посвятившихъ себя ей, и не даетъ благопріятныхъ условій къ обнаруженію „общительности и снисходительности“—свойствъ *любви*, которая есть одна изъ первыхъ достохвальныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Наконецъ, иноческая и отшельническая жизнь, такъ какъ она не обнаруживается въ дѣлахъ, не можетъ быть повѣряема и даже *сравниваема* съ другими родами жизни (каково, напримѣръ, дѣятельное служеніе въ мірѣ на пользу ближ-

1) I, 207, VI; 111—112; ср. VI, 203.

2) III, 238—239.

нихъ) ¹⁾). Общій выводъ отсюда тотъ, что пустынное подвижничество есть хотя и совершеннѣйшій образъ жизни, но исключительный, лежащій внѣ обычнаго порядка, вышеестественный, къ которому поэтому и призываются и могутъ быть способны только очень немногіе избраннѣйшіе и совершеннѣйшіе члены церкви Христовой, и который не можетъ быть закономъ, нормою и обязательнымъ удѣломъ всѣхъ ²⁾).

II.

Жизнь въ обществѣ, въ кругу другихъ, вызываетъ человека на общественную дѣятельность, доставляетъ ему благопріятную почву къ проявленію лучшихъ сторонъ человеческого духа въ подвигахъ любви и состраданія, и въ этомъ отношеніи служить „испытаніемъ добродѣтели“ человека. Плодами любви, труда и самопожертвованія жизнь общественная распространяется на *многихъ*, и ближе соотвѣтствуетъ порядку Божія домостроительства, которое „и сотворило все, и связало все узами любви, и нашъ родъ, послѣ того какъ онъ утратилъ свою доброту чрезъ прившедшій грѣхъ, снова воззвало посредствомъ соединенія и обращенія съ нами“ ³⁾). Значитъ, и жизнь въ обществѣ, сопровождаемая дѣятельностію на пользу ближнихъ имѣетъ свои высокія преимущества, какія чужды жизни уединенной—созерцательной. Потому-то св. Григорій, имѣя отъ природы склонность къ иночеству, укрѣпленную къ тому же и домашнимъ воспитаніемъ, достойно восхваляетъ также и тѣхъ, которые, живя въ мірѣ свидѣтельствовали силу вѣры и красоту своего нравственнаго духа *отъ долъ своихъ*, направленныхъ ко благу ближняго. Такъ св. Григорій ублажаетъ нѣкоего христіанина—философа Ирона, который изъ двухъ христіанскихъ путей жизни, каковы—иночество и служеніе общественное, призналъ послѣдній путь наиболѣе полезнымъ какъ для *себя лично*, такъ и для большинства христіанъ. „Ибо признакомъ души наиболѣе совершенной и любомудрой почиталъ онъ при всякомъ дѣлѣ сообнимать въ частномъ и общее; по-

¹⁾ II, 221.

²⁾ V, 169; I, 202; ср. I, 125

³⁾ II, 221—222.

тому что каждый изъ насъ получилъ бытіе не для одного себя, но и для всѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ одну природу, и произведены однимъ Творцемъ и для однихъ цѣлей“ ¹⁾).

Когда Кесарій, братъ св. Григорія, вскорѣ по окончаніи образованія, пристроился въ высокихъ должностяхъ при царскомъ дворѣ, то Григорій сильно упрекалъ его за это, и однажды написалъ къ нему очень укоризненное письмо, выражая глубокую скорбь, что „епископскій сынъ (Кесарій) нынѣ уже въ службѣ, домогается мірскихъ чиновъ и славы, уступаетъ надъ собою побѣду корыстолюбію“ ²⁾). Но потомъ св. Григорій посмотрѣлъ на поступокъ Кесарія совершенно иначе, когда убѣдился въ истинно-христіанскомъ благочестіи и добрыхъ намѣреніяхъ Кесарія, равно и въ искренности его челоѣколюбія. Св. Григорій писалъ: „Кесарій первые плоды учености посвятилъ своей родинѣ, и своими трудами заслуживъ должное уваженіе, потомъ увлеченъ былъ желаніемъ славы и, какъ меня увѣрялъ, желаніемъ сдѣлаться полезнымъ для города. Онъ отправился къ царскому двору,—что мнѣ не совѣмъ нравилось, и не по моему было расположенію; ибо для меня лучше и выше быть послѣднимъ у Бога, нежели занимать первое мѣсто у земного царя. Однако же, поступокъ Кесаріевъ не заслуживалъ и укоризны; ибо жизнь любомудренная, какъ всего выше, такъ и всего труднѣе; она и возможна не для многихъ, а только для тѣхъ, которые призваны къ сему высокимъ Божиимъ умомъ, благопоспѣшествующимъ въ благомъ предпріятіи. Но не маловажно и то, ежели кто, избравъ второй родъ жизни, сохраняетъ непорочность, и болѣе помышляетъ о Богѣ и о своемъ спасеніи, нежели о своей славѣ; кто дѣйствуя на позорищѣ сего міра, хотя принимаетъ почести, какъ сѣнь или личину разнообразнаго и временнаго, однако же самъ живетъ для Бога, и блюдетъ въ себѣ образъ, о которомъ знаетъ, что получилъ его отъ Бога, и за который обязанъ дать отчетъ Даровавшему. *А я знаю, что таковъ точно былъ образъ мысли Кесарія*“ ³⁾).

¹⁾ II, 221. Этотъ Иронъ претерпѣлъ тяжкія страданія отъ аріанъ за православіе, и долгое время находился въ изгнаніи. Слово св. Грег. Бог. 25-е въ похвалу философа Ирона (II, 217 и слѣд.).

²⁾ VI,

³⁾ I 202.

Умѣстно упомянуть здѣсь одну подробность, которую св. Григорій передаетъ о другѣ своемъ—св. Василиіи (Великомъ), а отчасти и о себѣ самомъ. Св. Григорій похваляетъ Василия за то, что тотъ, не смотря на свою любовь къ пустынѣ, покинулъ ее, когда узналъ, что православной церкви Каппадокійской угрожала опасность отъ еретиковъ—аріанъ. Св. Василий возвратился тогда въ Кесарію изъ Понтійской пустыни, въ которой находился, и явилъ себя ревностнымъ поборникомъ православія. „Прекрасно и весьма любомудренно разсудилъ онъ самъ въ себѣ по духовному разумѣнію, что, если уже и впасть иногда въ малодушіе, то для сего есть другое время, именно время безопасности, а при нуждѣ—время великодушію; посему тотчасъ отправляется изъ Понта, ревнуетъ объ истинѣ, которая была въ опасности, дѣлается добровольнымъ поборникомъ, и самъ себя предаетъ на служеніе матери—Церкви“ ¹⁾. Вмѣстѣ съ Василиемъ Великимъ возвратился въ этотъ разъ изъ Понтійскаго уединенія и самъ св. Григорій, и вмѣстѣ съ нимъ подвизался за истину ²⁾.

Жизнь въ мірѣ и служеніе благу ближнихъ есть трудный и продолжительный подвигъ, къ совершенію котораго требуется великая духовно-нравственная подготовка, если только общественный дѣятель хочетъ быть воистину полезнымъ обществу плодами своего труда и таланта. Въ этомъ кроется немаловажная причина, почему и самъ св. Григорій, сознавая свои духовныя немощи, вообще уклонялся отъ призванія къ общественной дѣятельности. Поставленный противъ воли во пресвитера и назначенный въ помощь своему отцу—епископу—для управленія Назіанзской паствой, св. Григорій тотчасъ по рукоположеніи удалился въ Понтійскую пустыню къ св. Василию ³⁾. Возвратившись оттуда къ празднику Пасхи, онъ произноситъ глубокопоучительное слово, въ которомъ излагаетъ причины—и своего удаленія въ Понтъ по рукоположеніи, и—возвращенія оттуда. Онъ весьма убѣжденно и убѣдительно раскрываетъ здѣсь высоту и важность общественнаго служенія вообще, а пастыр-

¹⁾ IV, 69—71.

²⁾ Тамъ же, 70—71; ср. III, 262.

³⁾ VI, 14—15.

скаго—въ особенности, равно и великую отвѣтственность, лежащую на пастырѣ церкви, въ случаѣ нерадиваго или неумѣлаго исполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Многія сужденія св. отца, излагаемая въ означенномъ словѣ, имѣютъ характеръ общихъ, принципиальныхъ сужденій объ общественномъ служеніи вообще, и то, что онъ говоритъ собственно о высотѣ и отвѣтственности *пастырскаго* служенія, можетъ быть легко приложимо въ общихъ чертахъ и ко всякому начальствованію и ко всякаго рода общественной дѣятельности. Поэтому-то указанное слово св. Григорія такъ поучительно и для нашей цѣли настолько важно, что мы передадимъ его содержаніе болѣе или менѣе подробно.

III.

Изъ самаго начала слова видно, что уже во времена св.—Григорія Б. были поборники идеи служенія общественному благу, которые зорко слѣдили за всѣми поступками св. Григорія, соблазнялись его бѣгствомъ въ пустыню и оставались въ долгомъ и глубокомъ недоумѣніи, почему это онъ, Григорій, уклоняется отъ служенія христіанскому обществу въ званіи іерея и пастыря. Для вразумленія этихъ то соблазненныхъ св. Григорій и передаетъ причины своего удаленія въ пустыню по рукоположеніи.

Въ тѣлѣ человѣческомъ есть члены главные—вышіе и второстепенные—нишіе. Подобно сему и въ церкви, какъ и во всякомъ общественномъ организмѣ, должны быть,—говоритъ св. Григорій,— начальники и подначальные, управители и управляемые, избыточествующее и недостаточное, руководители и руководимые, кратко—пастыри и пасомые. Не думаю,—разсуждаетъ св. отецъ,—чтобы безначаліе и беспорядокъ были для людей полезнѣе порядка и начальства (особенно въ церковномъ обществѣ, гдѣ и чистыхъ по вѣрѣ и жизни членовъ нужно соблюсти и возвысить, и колеблющихся—укрѣпить и поддерживать, и совратившихся возвратить на истинный путь). Если же хорошо и законно—быть начальникамъ и подначальнымъ—то слѣдуетъ отсюда, что было бы одинаково незаконно и противно порядку какъ всѣмъ искать начальства, такъ и никому не принимать онаго. И св. Григорій соглашается, что если-бы

всѣ избѣгали священнаго званія пастыреначальника, то прекрасной полнотѣ церкви недоставало бы самаго существеннаго, и она не была бы уже вполнѣ прекрасною. Къ тогда совершалъ-бы и святое богослуженіе?... Съ другой стороны, въ порядкѣ вещей и то, что нѣкоторые подначальные,—въ случаѣ, если окажутся способными и достойными,—поставляются въ начальники, все равно какъ и мужественный воинъ производится въ начальники отряда, а хорошему начальнику отряда поручается все войско и распоряженіе всѣми военными дѣлами.

Исповѣдуя такія убѣжденія, самъ св. Григорій однако убѣждалъ въ пустыню по рукоположеніи въ пресвитера. Но это случилось, ближайшимъ образомъ, вслѣдствіе неожиданности самаго поставленія его во пресвитера, такъ что онъ не могъ въ потребную минуту собраться съ мыслями и поступить вполнѣ обдуманно,—онъ растерялся—подобно человѣку, пораженному внезапнымъ громомъ. И такъ какъ св. Григорій съ дѣтства воспиталъ въ себѣ наклонность къ безмолвію и уединенію, и даже успѣлъ уже отчасти вкусить совершенныхъ плодовъ безмятежной жизни вдали отъ міра (когда жилъ въ Понтійскомъ уединеніи вмѣстѣ съ другомъ своимъ—св. Васильемъ Вел.): то ему очень тяжело было сознавать, что его какъ бы насильно отрываютъ отъ созерцательной жизни, которую онъ такъ возлюбилъ, и въ предверіи которой уже находился. И вотъ почему новопоставленный пресвитеръ, растерянный и огорченный, ничего другого не нашелся сдѣлать, какъ убѣжать въ пустыню¹⁾.

Къ этому присоединялась внутренняя скорбь и стыдѣніе св. Григорія за нѣкоторыхъ недостойныхъ искателей священнаго сана, которые добивались его безъ достаточной духовной подготовки, безъ сознанія важности и отвѣтственности пастырскаго служенія. почитая священный санъ лишь средствомъ пропитанія и самовольнымъ начальствованіемъ, не дающимъ никому отчета въ дѣйствіяхъ.

Самъ же св. Григорій глубоко сознавалъ высокую важность, трудность и отвѣтственность пастырскаго служенія. Въ этомъ и заключается,—какъ утверждаетъ св. отецъ,—*главнѣйшая при-*

¹⁾ I, 13—16.

чина удаленія его въ пустыню по рукоположеніи его во іерейскій санъ. „Человѣку, который съ трудомъ умѣетъ быть подъ начальствомъ, еще, кажется, гораздо твуднѣе—умѣть начальствовать надъ людьми, особенно—имѣть такое начальство, каково наше (т. е. папство), которое основывается на Божіемъ законѣ, и возводитъ къ Богу,—въ которомъ, чѣмъ больше высоты и достоинства, тѣмъ больше опасности даже для имѣющаго умъ“ ¹⁾. Каждый начальникъ,—а папирь—тѣмъ болѣе,—но долженъ имѣть, съ отрицательной стороны, никакого нравственнаго пятна или порока. На начальника смотрятъ какъ на образецъ для подражанія, какъ на руководителя подчиненныхъ. Поэтому порокъ его скоро перестаетъ быть его личнымъ недостаткомъ, а распространяется и среди его подначальныхъ, и чѣмъ больше число сихъ послѣднихъ, тѣмъ худшее зло происходитъ. „И не такъ удобно ткань принимаетъ въ себя невыводимую краску, и близкія вещи занимаютъ одна отъ другой зловоніе или благовоніе, не такъ быстро разливается въ воздухѣ, и изъ воздуха сообщается животнымъ какое—нибудь вредное испареніе, производящее заразу и называемое заразоу, какъ подчиненные, въ скорѣйшемъ обыкновенно времени, принимаютъ въ себя пороки начальника, и даже пороки гораздо легче, нежели противное пороку—добродѣтель. Въ семь порокъ и беретъ особенно верхъ надъ добродѣтелію. И я всего болѣе скорблю при мысли (разсуждаетъ св. Григорій), что порокъ есть дѣло, удобно возбуждающее къ соревнованію и безъ труда исполняемое, что всего легче сдѣлаться порочнымъ, хотя-бы никто насъ въ томъ не руководствовалъ; напротивъ того, стяжаніе добродѣтели есть дѣло рѣдкое и трудное, хотя бы и многое къ ней влекло и побуждало.... Добродѣтель не удобопріемлема для человѣческой природы, какъ и огонь для влажнаго вещества; но большая часть людей готовы и способны принимать въ себя худое, подобно тростнику, который, при сухости своей, легко воспламеняется и сгараетъ при вѣтрѣ отъ искры. Ибо всякій скорѣе принимаетъ въ себя въ большей мѣрѣ малый порокъ, нежели высокую добродѣтель въ малой мѣрѣ. Такъ небольшое количество полыни тотчасъ

¹⁾ I, 17.

сообщаетъ горечь свою меду, а медъ и въ двойной мѣрѣ не сообщаетъ полныи своей сладости. Выдерни малый камень: онъ повлечетъ за собою всю рѣку на открытое мѣсто; удержать-же и преградить ее едва возможетъ самая твердая плотина^а 1).

Итакъ принимающему на себя званіе христіанскаго пастыря (равно какъ и всякое другое начальствованіе) слѣдующей прежде всего бояться того, чтобы не оказаться „худымъ живописцемъ чудной добродѣтели“, особенно же „негоднымъ подлинникомъ“ (образцомъ) для другихъ живописцевъ—подчиненныхъ и пасомыхъ (которыхъ, по числу, можетъ быть много, а нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть люди очень достойные, лучше самихъ начальниковъ), или чтобы не оказаться въ положеніи чело-вѣка, который берется лечить другихъ, тогда какъ самъ покрытъ заразительными струпамн. Но пастырство имѣетъ своею задачею не только отклонять другихъ отъ пороковъ, но и учить добродѣтели. Поэтому желающему вступить на общественное служеніе въ званіи пастыря недостаточно быть безпорочнымъ, но, съ *положительной* стороны, нужно быть добродѣтельнымъ чело-вѣкомъ. Ему слѣдуетъ непрерывно усовершенствоваться въ духовномъ отношеніи, и при этомъ считать не столько пріобрѣтеніемъ то, что достигнуто, сколько потерей то, что не пріобрѣтено. Мѣрою здѣсь должна быть для него безконечная широта заповѣди о совершенствѣ (ср. Мѡ. V, 48), а не примѣръ ближнихъ. Въ частномъ чело-вѣкѣ нужно считать порокомъ то, что сдѣлано имъ худого, влечетъ за собою наказаніе и преслѣдуется закономъ, а въ начальникѣ и предстоятелѣ даже то, что онъ не стремится къ возможному совершенству и не преуспѣваетъ постоянно въ добрѣ; „потому что ему надобно—превосходствомъ своей добродѣтели привлекать народъ къ порядку, и *не силой* обуздывать, но доводить до порядка *убѣжденіемъ*. Ибо все, что дѣлается не добровольно, кромѣ того, что оно насильственно и не похвально, еще и не прочно. Вынужденное, подобно растенію, насильно согнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волѣ, обыкновенно возвращается въ прежнее свое положеніе. Напротивъ того, что дѣлается по

1) I, 18—19

свободному произволенію, то, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно. Посему законъ нашъ и самъ Законоположникъ особенно повелѣваетъ пасти стадо не нуждою, но волею“ ¹⁾ (I Петр. 5, 2).

Чтобы быть хорошимъ пастыремъ, нужно, кромѣ того, обширное знаніе и духовная опытность. „Ибо править человекомъ, самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ, и наука изъ наукъ“ ²⁾. Эту мысль св. Григорій подробно раскрываетъ далѣе сравненіемъ врачеванія душъ, составляющаго предметъ пастырскаго попеченія, съ врачеваніемъ тѣла,—указываетъ, насколько первое труднѣе и важнѣе второго и по свойству врачуемаго, и по силѣ требуемаго знанія, и по дѣли врачеванія, и по чрезвычайному разнообразію средствъ врачеванія—соотвѣтственно разнообразію наклонностей и стремленій врачуемыхъ. „Сколько бы кто ни употреблялъ тщанія и ума, невозможно всего изобразить словомъ и объять мыслию въ такой подробности, чтобы вкратцѣ былъ видѣнъ весь ходъ врачеванія“ ³⁾.

Не легка также и „многаго ума требуетъ“ обязанность пастыря учить своихъ пасомыхъ догматамъ вѣры и правиламъ благочестія. Особенно же трудно преподавать слово христіанской истины людямъ, которые, или по невѣжеству, или по легкомыслию и упорству, искажаютъ правое ученіе. „Легче вновь напечатлѣвать истину въ душѣ, которая подобна еще неисписанному воску, нежели по старымъ письменамъ, то есть, послѣ принятыхъ худыхъ правилъ и догматовъ, начертывать слово благочестія, въ какомъ случаѣ оно сливается и смѣшивается съ первыми.... Лучше писать на душѣ, которую не изборозило еще негодное ученіе, и на которой не врѣзались глубоко начертанія порока. Иначе благочестивому краснописцу два будутъ дѣла—изглаждать прежнія изображенія, и на мѣсто ихъ написать лучшія, „достойныя сохраненія“ ⁴⁾.

¹⁾ I, 19—20.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ I, 28.

⁴⁾ I, 33—34.